Альтер М.

Пугало на продажу

Альтер М.

Пугало на продажу

«Автор»
2026

М. А.

Пугало на продажу / А. М. — «Автор», 2026

Мрачная мистическая история о возвращении в родные места, где главный герой сталкивается с древним злом, скрывающимся за обликом обычного деревенского пугала.Артём приезжает в заброшенную деревню Мёртвые Поля, чтобы разобраться с наследством — домом и земельным участком. Однако он обнаруживает, что деревня хранит страшную тайну: пугало на поле обладает сверхъестественной силой и собирает «урожай» душ тех, кто покинул родные места.В борьбе с древним злом Артёму предстоит раскрыть мрачные секреты прошлого, противостоять потусторонней силе и сделать выбор между спасением своей жизни и помощью тем, кого пугало уже успело поглотить.

© М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение в Мёртвые Поля 5
Глава 2. Могила на краю поля 13
Глава 3. Жертва 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Альтер М.
Пугало на продажу

Глава 1. Возвращение в Мёртвые Поля

Дорога в Мёртвые Поля всегда казалась Артёму Семёновичу Ковалёву дорогой в прошлое. Не в то прошлое, которое достают из сундука по праздникам, перебирая пожелтевшие фотографии, а в то, которое лежит закопанным под порогом, как старый больной пёс. Оно не лает, не кусается, но ты знаешь, что оно там, и от этого знания холодеет затылок.

Автобус, дребезжащий, как жестяная банка с гайками, высадил его на развилке у бетонного указателя. Указатель давно обветшал: буква «М» осыпалась, и теперь надпись читалась как «ёртвые Поля». Артём поправил лямку рюкзака, взял в руки тяжёлый чемодан на колёсиках, которые здесь, на разбитом асфальте, были бесполезны, и пошёл в сторону деревни. Позади остался шум трассы, впереди — тишина, густая, как болотная вода.

Он не был здесь двадцать лет. Двадцать лет — это срок, достаточный, чтобы забыть запах полыни и вкус колодезной воды с металлическим привкусом. Достаточный, чтобы поверить, что ты стал другим человеком. Но стоило сойти с автобуса, как тело вспомнило всё: как ноги вязнут в глине после дождя, как бабка Аксинья крестилась на церковь, которой давно нет, как отец молча курил на крыльце, глядя в сторону поля.

Артём ехал сюда не по своей воле. Точнее, по своей, но не по доброй. Полгода назад умерла мать — тихо, во сне, в городской квартире, где на подоконнике сохли пучки мяты. После похорон он разобрал бумаги и нашёл среди них старую папку с выцветшей надписью «Наследство». В папке лежали документы на дом в Мёртвых Полях и на земельный участок — три гектара, которые когда-то кормили всю семью. Артём хотел продать всё сразу, одним лотом, но риелтор, пожилой мужчина с усталыми глазами, покачал головой: «С землёй непросто. Там что-то с документами. Вам бы съездить, посмотреть. Может, соседи есть, может, что прояснится». Артём откладывал поездку месяц, другой, третий. Потом позвонил нотариус и сухим голосом сообщил, что если он не вступит в права в течение полугода, участок может отойти в муниципальную собственность. И Артём поехал.

Деревня встретила его запахом дыма. Кто-то топил печь, и этот запах — горьковатый, с ноткой сырости — ударил в нос, как только он прошёл мимо первого покосившегося забора. Дома стояли вдоль единственной улицы, которая тянулась от въезда до оврага. Когда-то здесь было сорок дворов, школа, клуб и магазин с вывеской «Продукты». Теперь Артём насчитал не больше десяти жилых домов. Остальные смотрели на дорогу слепыми окнами, заколоченными досками, и казались не домами, а надгробиями самим себе.

— Артёмка? — раздался голос сбоку.

Он обернулся. У калитки соседнего дома стояла женщина в сером платке, повязанном так низко, что он почти закрывал брови. В руках она держала оцинкованное ведро, из которого торчала ручка тяпки.

— Тётя Валя? — Артём узнал её не сразу. Валентина Петровна, соседка, когда-то полная, с румяными щеками и громким смехом, теперь выглядела как человек, которого выжали и повесили сушиться. Кожа обтягивала скулы, глаза ввалились, и в них было что-то настороженное, звериное.

— Приехал, значит, — сказала она без удивления, скорее с обречённостью. — А я думала, ты уж не появишься. Мать твоя говорила, что ты в городе, при деле. Чего ж ты?

— Дела, тётя Валя, — соврал Артём. — Надо дом посмотреть, с документами разобраться.

Женщина медленно опустила ведро на землю. Тяпка звякнула о жесть.

— С документами, значит, — повторила она, и в её голосе послышалась странная нота — не то жалость, не то предупреждение. — Ты бы это… не задерживался тут. Посмотрел — и уезжай. Пока светло.

— А что случится, когда стемнеет? — усмехнулся Артём, но усмешка вышла кривой.

Валентина Петровна не улыбнулась в ответ. Она посмотрела куда-то за его плечо, в сторону поля, и Артём автоматически обернулся. Там, за огородами, за рядами покосившихся плетней, раскинулось то самое поле. Оно уходило вдаль, к самой кромке леса, и было пустым. Только посреди него, метрах в трёхстах от деревни, торчало что-то тёмное, угловатое. Артём прищурился. Пугало. Старое, перекошенное, с палкой вместо руки. Оно стояло там, сколько он себя помнил. Но раньше оно было ближе, у дороги, а теперь словно отодвинулось вглубь, как будто кто-то переставил его ночью.

— Пугало переставили? — спросил он.

Валентина Петровна вздрогнула. Это было заметно: плечи её дёрнулись, а пальцы вцепились в дужку ведра так, что побелели костяшки.

— Какое пугало? — спросила она слишком быстро. — Нет там никакого пугала. Ты, Артём, это… иди. Иди в дом. Я потом зайду. Может быть.

Она подхватила ведро и скрылась за калиткой, прежде чем он успел что-то ещё спросить. Артём постоял ещё минуту, глядя на поле. Пугало было на месте. Оно не двигалось, не качалось на ветру — просто стояло, как стояло бы дерево или столб. И всё же Артёму показалось, что оно смотрит на него. Не в его сторону, а именно на него, будто у него были глаза.

«Глупости, — сказал он себе. — Переутомился с дороги. Надо просто войти в дом, открыть окна, вскипятить чай».

Дом Ковалёвых стоял третьим от края. Он был меньше остальных, но крепче: отец, царство ему небесное, строил на совесть, вкопал столбы глубоко, крышу перекрыл шифером, который не брала ржавчина. За двадцать лет дом осел, врос в землю, но не сдался. Только краска на наличниках облупилась, да крыльцо покосилось, да во дворе выросла высокая, по пояс, лебеда.

Артём достал из кармана ключ. Он был тяжёлый, кованый, с бородкой, стёртой до блеска. Мать хранила его в шкатулке вместе с пуговицами и старыми монетами. Замок поддался не сразу: сначала ключ вошёл до половины, потом застрял, и Артёму пришлось надавить сильнее. Что-то внутри скрипнуло, и дверь отворилась с протяжным вздохом.

В доме пахло пылью и застоявшейся сыростью. Артём шагнул через порог и сразу почувствовал, как под ногами пружинит половица — та самая, которую отец всё собирался починить, да так и не собрался. В сенях было темно, хоть глаз выколи. Он нащупал на стене выключатель, но электричества не было: лампочка под потолком только мигнула и погасла. Придётся обходиться без света, пока не разберётся с генератором. Или не купит свечей в магазине, если тот ещё работает.

Он прошёл в комнату. Здесь всё осталось так, как было при матери: круглый стол под клетчатой скатертью, диван с продавленными пружинами, телевизор «Рубин» с выпуклым экраном, накрытый вязаной салфеткой. На стене — фотографии в деревянных рамках: отец в кепке, мать в цветастом платье, сам Артём — первоклассник с огромным портфелем. Он снял со стены одну фотографию, протёр стекло рукавом. С фотографии на него смотрел мальчик, который ещё не знал, что уедет отсюда и не вернётся двадцать лет.

Артём положил фотографию на место и подошёл к окну. Окно выходило на поле. Пугало было хорошо видно отсюда, даже сквозь мутное, засиженное мухами стекло. Оно стояло неподвижно, и в сгущающихся сумерках его силуэт казался почти человеческим. Артём вспомнил, как в детстве боялся ходить мимо него. Отец смеялся: «Это же просто палка с тряпками. Чего ты?» Но Артём всё равно обходил поле стороной, особенно осенью, когда вороны собирались в стаи и кружили над пугалом, не решаясь сесть.

Он отвернулся от окна и занялся делом. Разобрал чемодан, достал из рюкзака бутылку воды, хлеб и консервы. Нашёл в шкафу старую керосинку, зажёг её — фитиль зашипел, но разгорелся ровным жёлтым пламенем. В доме стало уютнее, тени от керосинки плясали по стенам, и Артём почти поверил, что всё обойдётся.

Он как раз открывал банку тушёнки, когда в дверь постучали.

Стук был странный: не громкий, не требовательный, а какой-то осторожный, будто стучащий надеялся, что его не услышат. Артём вздрогнул и обернулся. Кто мог прийти в такой час? Валентина Петровна сказала, что зайдёт, но «может быть». Он подошёл к двери и спросил:

— Кто там?

— Это я, Артём Семёнович, — ответил мужской голос, дребезжащий, стариковский. — Сосед твой. Поговорить надо.

Артём открыл. На крыльце стоял старик в ватнике, подпоясанном верёвкой, и в резиновых сапогах, хотя было сухо. Лицо у него было морщинистое, как печёное яблоко, а глаза — светлые, почти прозрачные, но смотрели они цепко, не по-стариковски.

— Дед Матвей, — представился он. — Я тут через два дома живу. Ты меня не помнишь, поди. Мелкий был, когда уезжал.

— Помню, — сказал Артём, хотя не помнил. — Заходите.

Старик вошёл, но не разделся, не присел. Он стоял посреди комнаты, держа шапку в руках, и смотрел на керосинку так, будто видел в ней что-то своё.

— Ты надолго? — спросил он.

— Не знаю. Дня на три, может, больше. С документами разобраться.

— С документами, — протянул дед Матвей. — Это хорошо. Документы — это правильно. Только ты это… — Он замялся, пожевал губами. — Ты на поле не ходи. Особенно к пугалу.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Снова пугало. Сначала Валентина Петровна, теперь этот старик. Они что, сговорились?

— А что с пугалом? — спросил он как можно равнодушнее.

Дед Матвей поднял на него глаза. В них не было страха — скорее усталость, как у человека, который давно несёт на плечах что-то тяжёлое и знает, что нести придётся до конца.

— Нехорошее это место, — сказал он тихо. — Ты думаешь, оно ворон пугает? Вороны-то, может, и пугаются. А вот люди… Люди пропадают. Ты заметил, сколько домов пустых? Думаешь, все уехали? Уехали, да. Только не все до города доехали. Кто в овраге сгинул, кто в лесу заблудился. А кто и просто — вышел из дома и не вернулся. И все они, Артём Семёнович, перед тем как пропасть, к пугалу ходили.

Артём хотел рассмеяться. Ну что за деревенские сказки? Двадцать первый век на дворе, интернет, самолёты, а тут — пугало, которое людей ест. Но смеяться не получилось. Слишком серьёзно смотрел старик, слишком тихо было в доме, и слишком отчётливо скрипели половицы, когда он переступал с ноги на ногу.

— Дед Матвей, — сказал Артём. — Ну какое пугало? Это же просто палка с тряпками. Я его с детства помню.

— Вот именно, — старик подался вперёд. — С детства. Ты уезжал — оно стояло. Ты приехал — оно стоит. Только тогда оно у дороги было, а теперь в поле. Кто его переставил, а? Я не переставлял. Валентина не переставляла. Больше некому. Оно само ходит, Артём Семёнович. Понимаешь? Само.

В комнате стало очень тихо. Керосинка потрескивала, отбрасывая на стены длинные тени, и эти тени качались, как живые. Артём вдруг отчётливо вспомнил, как в детстве видел пугало в разных местах поля. То у дороги, то у оврага, то почти у самого леса. Отец говорил, что это ветер его сдвигает. Но ветер не мог передвинуть вкопанный в землю столб.

— И что оно делает? — спросил Артём, сам не зная зачем.

— Собирает, — ответил старик. — Урожай собирает. Только не пшеницу. Души. Тех, кто землю бросил. Кто уехал и не вернулся. Или вернулся, да не к земле, а так — погостить. Оно чувствует, кто здесь чужой. И приходит за ними.

Артём хотел сказать, что это бред, что старик выжил из ума, что в деревне всегда рассказывали страшилки, чтобы молодёжь не уезжала. Но вместо этого он спросил:

— А почему вы мне это рассказываете?

Дед Матвей посмотрел на него долгим взглядом.

— Потому что ты уже здесь, — сказал он. — И ты уже чужой. Ты двадцать лет не был. Для него ты — спелый колос. — Он помолчал. — Я утром уеду. В город, к дочери. Поживу там. А ты… — Он махнул рукой. — Ты как хочешь. Я предупредил.

Он повернулся и пошёл к двери, но на пороге остановился.

— И ещё, — сказал он, не оборачиваясь. — Если ночью услышишь — оно скрипит. Как телега несмазанная. Не выходи. Слышишь? Не выходи.

Дверь закрылась. Артём остался один. Он постоял ещё немного, потом сел за стол и попытался есть. Тушёнка была холодной и безвкусной, хлеб чёрствым. Он съел половину банки, выпил воды и лёг на диван, не раздеваясь. Керосинку он не погасил — боялся темноты.

Сон не шёл. Артём лежал, глядя в потолок, и слушал, как в доме скрипят половицы. Скрип был тихим, размеренным, будто кто-то ходил по чердаку взад-вперёд, взад-вперёд. «Это дом оседает, — думал Артём. — Просто дом оседает. Дед Матвей нагнал страху, вот и мерещится».

Он закрыл глаза. И в этот момент услышал.

Скрип. Не в доме. На улице. Протяжный, металлический, как будто кто-то тащил по дороге несмазанную телегу. Звук приближался. Медленно, размеренно, с паузами. Скрип — пауза — скрип — пауза. Артём открыл глаза и уставился в окно. За мутным стеклом было темно, хоть глаз выколи. Луна ещё не взошла. Только где-то далеко, у самого леса, мерцал слабый огонёк. Или это не огонёк? Может, это пугало? Нет, пугало не может светиться.

Скрип повторился. Теперь он был ближе. Артём приподнялся на локте и прислушался. Сердце колотилось где-то в горле. Скрип — пауза — скрип. И вдруг — голос. Тихий, дребезжащий, как старый радиоприёмник:

— Артём… Семёнович… Выходи… Поговорим…

Артём замер. Голос был незнакомый. Он не принадлежал ни деду Матвею, ни Валентине Петровне. Он вообще не принадлежал человеку. В нём было что-то деревянное, скрипучее, будто говорила не глотка, а сухая палка, которой водили по стеклу.

— Выходи… — повторил голос. — Я же знаю, ты не спишь… Ты же слышишь…

Артём не двигался. Он вспомнил слова старика: «Не выходи. Слышишь? Не выходи». И он не вышел. Он лежал, стиснув зубы, и смотрел в окно. Скрип стих. Голос замолчал. Наступила тишина, такая полная, что в ней слышно было, как стучит кровь в висках.

А потом в окно постучали.

Три раза. Медленно. Деревянно. Тук. Тук. Тук. Артём посмотрел на стекло. За ним, в темноте, угадывался силуэт. Угловатый, с палкой вместо руки. И глаза — два тусклых огонька, как гнилушки в лесной чаще.

Артём не выходил. Он лежал до утра, не смыкая глаз, и слушал, как за окном кто-то ходит вокруг дома. Скрип, пауза, скрип. Шаги были тяжёлыми, неторопливыми. Они обошли дом три раза, а потом стихли. Только на рассвете, когда небо стало серым, Артём решился подойти к окну.

Пугало стояло на прежнем месте. Посреди поля. Но теперь оно было ближе. Метров на пятьдесят ближе, чем вчера. И на его палке-руке висело что-то маленькое и тёмное. Артём присмотрелся и с ужасом понял, что это шапка деда Матвея. Та самая, которую он держал в руках, когда приходил предупреждать.

Артём бросился к двери и выскочил на крыльцо. Утро было тихим, росистым. Дом деда Матвея через два двора стоял с открытой настежь дверью. Артём подбежал, заглянул внутрь. В доме никого не было. Только на столе лежала недоеденная буханка хлеба, да на гвозде висел старый полушубок. Дед Матвей так и не уехал в город.

Артём вернулся к себе, сел на крыльцо и закурил. Руки тряслись. Он смотрел на поле, на пугало, и вдруг отчётливо понял: он не уедет сегодня. И завтра не уедет. Потому что документы, потому что дом, потому что земля. Потому что он уже здесь, и оно уже знает его имя.

А пугало стояло и смотрело на него. И Артёму показалось, что оно улыбается.Артём докурил сигарету, вдавил окурок в перила крыльца и поднялся. Ноги были ватными, но голова, на удивление, работала ясно. Он вернулся в дом, запер дверь на щеколду — хотя что могла остановить щеколда, если за окном ходит нечто, умеющее скрипеть по-человечески? — и принялся за то, что всегда успокаивало его в детстве: за разбор старых вещей. В шкафу, в нижнем ящике, среди пожелтевших от времени простыней и наволочек, он нашёл отцовскую папку. Кожаную, с потёртыми углами, застёгнутую на металлический замочек, который давно не запирался. Внутри лежали бумаги: какие-то квитанции, старые страховые полисы, школьные тетради самого Артёма — и тонкая общая тетрадь в клетку, исписанная отцовским почерком.

Отец писал редко и неохотно. Артём помнил, как он сидел за этим столом, ссутулившись, с перьевой ручкой в руке, и что-то выводил на листах, которые потом прятал в папку. Мать говорила: «Не трогай, это его дела». Артём и не трогал. Теперь он раскрыл тетрадь и почувствовал, как холодок снова пробежал по спине.

Первые страницы были обычными: учёт сена, заметки о ремонте крыши, список долгов — кому сколько и за что. Но ближе к середине почерк отца менялся. Буквы становились мельче, словно он боялся, что кто-то прочтёт написанное. На полях появились странные рисунки: палка с перекладиной, круг с точкой внутри, крест, перечёркнутый дважды. И записи — короткие, обрывочные, похожие на бред.

«Оно снова переставилось. Было у оврага, стало у дороги. Никто не видел, чтобы кто-то трогал. Матвей говорит, что видел ночью огонёк. Я не верю Матвею, но огонёк видел и я».

«Председатель был человеком жестоким. Его боялись все. Говорят, он умер в поле, когда убирали урожай. Сердце. Упал лицом в пшеницу и не поднялся. Хоронили всем колхозом. Но могилу его не найти — будто сравняли с землёй. А пугало поставили на следующий день. Чтоб вороны не клевали зерно. Только вороны с тех пор не садятся на это поле. Ни одна».

«Сегодня пропал сосед, Пётр Ильич. Ушёл за грибами и не вернулся. Жена говорит, что перед уходом он ходил к пугалу — хотел поправить, мол, криво стоит. Я видел, как он шёл. Он шёл и разговаривал. С кем? Один был. А потом его голос стал другим. Не его голос. Деревянный».

«Оно собирает. Я понял. Оно собирает тех, кто уехал. Или собирается уехать. Тех, кто бросил землю. Земля не терпит пустоты. А он — он был председателем. Он и сейчас председатель. Только колхоз у него теперь другой. Души вместо зерна».

Артём перевернул страницу. Дальше шли записи, сделанные совсем неразборчиво, словно рука отца дрожала. Он разобрал только отдельные слова: «…не выходить…», «…скрип…», «…если увидишь огонёк — беги…», «…оно знает, кто чужой…». И в самом конце, на последней странице, большими буквами, с нажимом, так что перо порвало бумагу: «АРТЁМ, НЕ ПРИЕЗЖАЙ. ПРОДАЙ И УЕЗЖАЙ. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ».

Артём закрыл тетрадь. Пальцы у него похолодели. Отец написал это много лет назад, когда Артём был ещё подростком. Значит, он знал. Знал и молчал. И мать знала — иначе зачем бы она хранила эту папку среди наследственных бумаг? Может быть, надеялась, что сын никогда сюда не вернётся. Или наоборот — что вернётся и прочтёт.

Он вышел во двор. Солнце уже поднялось, но воздух был сырым и холодным. Артём посмотрел на поле. Пугало стояло на месте — но теперь он заметил то, чего не видел раньше:

вокруг столба земля была взрыта. Свежие комья глины, тёмные на фоне серой почвы, лежали неровным кругом, будто кто-то вытаскивал столб, а потом втыкал обратно. И от этого круга к деревне тянулась едва заметная борозда — как будто что-то волокли по земле. Борозда уходила к дому деда Матвея.

Артём заставил себя подойти ближе. Шагов за сто до пугала он остановился. Теперь было видно, что это не просто палка с тряпками. На перекладине висел старый пиджак — чёрный, с орденской планкой на груди, выцветшей до белизны. Голова пугала была сделана из мешка, набитого соломой, но вместо глаз в неё были вставлены две пуговицы — большие, перламутровые, с дырочками. И эти пуговицы смотрели прямо на Артёма. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Пуговицы как пуговицы. Ничего особенного.

Но когда он подошёл ещё на десяток шагов, пугало вдруг качнулось. Не от ветра — ветра не было. Оно качнулось так, будто внутри него что-то шевельнулось. Артём замер. И в этот момент услышал за спиной голос:

— Не подходи.

Он обернулся. Валентина Петровна стояла у плетня, бледная, с растрёпанными волосами, в том же сером платке, но теперь он сбился набок. В руках она держала не ведро, а старое охотничье ружьё — курки взведены, ствол смотрит в землю, но пальцы на ложе побелели.

— Тётя Валя, вы чего? — Артём поднял руки. — Я просто смотрю.

— Смотреть — смотри, — сказала она, не опуская ружья. — А подходить не надо. Оно этого не любит. Оно думает, что ты хочешь его поправить. Или снять. А кто к нему прикасается — того оно забирает.

— Кто «оно»? — спросил Артём, хотя уже знал ответ.

Валентина Петровна опустила ружьё. Плечи у неё поникли.

— Пойдём в дом, — сказала она тихо. — Поговорить надо. Только быстро. До полудня. В полдень оно особенно злое.

В доме она села на табурет у окна, положила ружьё на колени и заговорила. Голос у неё был ровный, как у человека, который давно смирился с тем, что рассказывает страшную сказку на ночь.

— Ты знаешь, кто был первый председатель? Илья Трофимович Гущин. Приехал сюда в тридцатых, из города. Молодой, злой, голодный до власти. Он колхоз поднял, да. Поля распахал, урожаи собирал — таких урожаев потом не было. Только людей он не жалел. Никого. Кто не хотел в колхоз — того раскулачивали, выселяли. Кто работал плохо — того наказывали. Он мог человека на мороз выставить, если тот мешок зерна не донёс. Говорят, он и убивал. Тихо, без суда. В поле. Никто не видел, но все знали.

Умер он в сорок седьмом. В поле, во время уборки. Сердце остановилось. Упал в пшеницу, и когда его нашли, лицо у него было спокойное, будто он всё сделал, как надо. Похоронили его с почестями. А на следующий день поставили пугало. Будто в насмешку. Или в память. Никто уже не помнит, кто поставил. Но с тех пор оно стоит.

Сначала оно ворон пугало. А потом началось. В пятидесятых пропал первый человек — бригадир, который уехал в город и вернулся только через год. Он ходил к пугалу, ругался на него, говорил, что это позор — этакое страшилище посреди поля. А через неделю его нашли в овраге. Сердце. Молодой был, здоровый.

Потом ещё один. И ещё. Они уезжали, а потом возвращались — погостить, или насовсем, и пропадали. Всегда после того, как подходили к пугалу. Оно их звало. Сначала тихо, по ночам. Скрипом. Потом голосом. А потом они сами шли.

— А вы? — спросил Артём. — Вы же здесь живёте. Вы не уезжали.

— Я не уезжала, — ответила Валентина Петровна. — И не уеду. Пока жива. Оно меня не трогает. Я здесь родилась, здесь и умру. Я ему не чужая. А ты — чужой. Ты уехал. И вернулся.

Для него ты — колос, который созрел. Он придёт за тобой. Сегодня ночью или завтра. Может, днём. Он не всегда ночью ходит. Иногда и днём, если небо пасмурное.

Артём вспомнил, как прошлой ночью стучали в окно. И про шапку деда Матвея на палке.

— Дед Матвей тоже уехать хотел, — сказал он. — Его нет. Дом пустой.

Валентина Петровна кивнула, будто ждала этого.

— Матвей последний год собирался. Всё говорил: уеду, уеду. Вот и доехал. — Она перекрестилась. — Царствие ему небесное. А нам с тобой — живым быть.

— Что делать? — спросил Артём. — Уехать?

— Уехать, — сказала она. — Но не сегодня. Если ты уедешь сегодня, оно поймёт, что ты испугался. И пойдёт за тобой. В город. Оно умеет. Оно далеко чувствует. Надо, чтобы оно подумало, что ты здесь остался. Насовсем. Тогда оно успокоится.

— Как это — «остался»?

— Надо вложить в него душу, — сказала Валентина Петровна, и глаза у неё стали пустыми. — Свою нельзя. Я свою отдала давно. Поэтому я здесь. А ты… — Она помолчала. — У тебя есть что-то, что тебе дорого? Не вещь. Что-то, что ты любишь.

Артём задумался. У него была квартира в городе, машина, работа. Но любить он ничего не любил. После смерти матери он вообще перестал что-то любить.

— Нет, — сказал он.

— Тогда плохо, — вздохнула Валентина Петровна. — Тогда оно тебя самого возьмёт. Потому что ему нужно что-то живое. Или хотя бы память о живом.

Она поднялась с табурета.

— Я пойду. Мне до полудня надо вернуться. А ты сиди в доме. Не выглядывай. Если услышишь скрип — не отзывайся. Если позовёт по имени — не отзывайся. Если постучит — не открывай. Оно не может войти, если ты сам не впустишь. Но оно умеет ждать.

Она ушла. Артём остался один. Он просидел в доме до вечера, глядя в окно на поле. Пугало не двигалось. Но когда солнце начало клониться к закату, он заметил, что пугало снова стало ближе. Теперь оно стояло метрах в двухстах от дома. И на его палке-руке висела уже не шапка деда Матвея, а что-то другое. Артём присмотрелся и с ужасом узнал ружьё Валентины Петровны.

Он выбежал на улицу. Дом Валентины Петровны стоял через два двора. Дверь была открыта. Внутри — пусто. Только на столе лежал серый платок, аккуратно сложенный. А на полу, у порога, — горсть земли. Свежей, чёрной, будто кто-то принёс её на сапогах.

Артём вернулся к себе. Запер дверь. Задвинул щеколду. Придвинул к двери стол. Он понимал, что это не поможет, но руки сами делали что-то, пока голова отказывалась думать. Он сел в угол, обхватил колени руками и стал ждать.

Смеркалось. Керосинка догорала. Артём смотрел на окно и ждал, когда за ним появится угловатый силуэт. Но силуэт не появлялся. Вместо этого в доме начали скрипеть половицы. Сначала тихо, потом громче. Скрип приближался. Артём слышал, как кто-то ходит по сеням, по комнате, по коридору. Шаги были тяжёлыми, неторопливыми, будто ходил очень старый человек, которому трудно передвигать ноги.

А потом из-за печки раздался голос. Тот самый — деревянный, скрипучий.

— Артём Семёнович… Ты почему не выходишь? Я же тебя жду… Я тебе урожай принёс… Хороший урожай… Спелый…

Артём зажал уши руками. Голос не стихал.

— Ты думаешь, я тебя съем? Нет… Я тебя посею… Из тебя вырастет хороший колхозник… Ты будешь работать… Работать… Работать…

Скрип раздался прямо над головой. Артём поднял глаза. На потолке, в углу, темнело пятно. Оно росло, расползалось, и вдруг Артём понял: это не пятно. Это тень. Тень человека с палкой. Она висела на потолке, хотя в комнате не было никого, кто мог бы её отбрасывать.

А потом в окно постучали. Три раза. Медленно. Деревянно.

Артём не открыл. Он просидел всю ночь в углу, глядя на тень, которая висела на потолке и не исчезала. Только к утру, когда небо стало серым, тень побледнела и растворилась. Скрип стих. Голос замолчал.

Артём поднялся. Тело болело, глаза слипались. Он подошёл к окну. Пугало стояло теперь у самого плетня. Метрах в десяти от дома. И на его палке-руке висело три вещи: шапка деда Матвея, ружьё Валентины Петровны и что-то ещё, маленькое, блестящее. Артём присмотрелся. Это была пуговица. Перламутровая, с дырочками. Такая же, как глаза пугала.

Он отшатнулся от окна. И в этот момент понял, что оно уже здесь. Оно стоит за дверью. Он слышал, как оно дышит — сухо, шуршаще, как солома. И как оно скребёт по двери — медленно, вкрадчиво, будто просит впустить.

Артём не впустил. Он отступил вглубь комнаты, взял со стола отцовскую тетрадь и прижал к груди. И вдруг вспомнил слова Валентины Петровны: «Надо вложить в него душу. Свою нельзя. Что-то, что ты любишь».

Он посмотрел на тетрадь. На отцовский почерк. На последнюю страницу, где было написано: «Артём, не приезжай».

И тогда он понял. Он любил отца. Любил, несмотря на молчание, несмотря на страх, несмотря на то, что отец так и не научил его, как жить на этой земле. И эта любовь была единственным, что у него осталось.

Артём открыл дверь. Пугало стояло на крыльце. Оно было выше, чем казалось издалека. Пиджак с орденской планкой, мешок с пуговицами, палка с тремя вещами. И от него пахло землёй и старой соломой.

— Ну что, — сказал Артём, и голос у него не дрогнул. — Поговорим?

Пугало молчало. Пуговицы смотрели на него. И в этот момент Артём сделал то, чего не делал никто из пропавших: он протянул руку и вложил тетрадь в карман пиджака пугала.

— Это тебе, — сказал он. — Вместо меня.

Пугало качнулось. Раз, другой. Пуговицы мигнули. А потом оно медленно, неуклюже, будто разучилось ходить, повернулось и пошло обратно в поле. Скрип, пауза, скрип. И с каждым шагом оно становилось меньше, будто вдавливалось в землю.

Артём стоял на крыльце и смотрел, как оно уходит. Когда пугало скрылось в утреннем тумане, он сел на ступеньку и закурил. Руки больше не тряслись. Он знал, что уедет сегодня. И что никогда не вернётся. Но перед этим он сделает ещё одно дело: найдёт могилу отца и положит на неё цветы. Потому что земля не терпит пустоты. И души — тоже.

Глава 2. Могила на краю поля

Артём собрался в дорогу быстро. Слишком быстро, как будто боялся, что если замешкается, то передумает или, хуже того, останется. Он покидал в рюкзак немногое: сменную рубаху, бритву, бутылку воды, оставшуюся половину хлеба. Отцовскую папку с бумагами он сунул туда же, на самое дно, чтобы не видеть. Тетрадь осталась у пугала — и Артём старался об этом не думать. Он запер дом на ключ, повесил его на гвоздь у калитки — пусть висит, всё равно продавать, — и пошёл по улице в сторону кладбища.

Деревня просыпалась медленно. Где-то за огородами мычала корова, звенела цепью, и этот звук казался здесь чудом — таким обыденным, таким живым. Артём шёл мимо покосившихся домов и считал: вот здесь жила тётя Шура, у неё были самые вкусные пирожки с капустой; вот здесь — дядя Коля, который чинил велосипеды; вот здесь — семья Гусевых, у них был мальчик, ровесник Артёма, с которым они вместе лазили в овраг за ежевикой. Все они уехали или пропали. Дома стояли с заколоченными окнами, и даже солнце, поднимавшееся над крышами, не могло их оживить.

Кладбище было за деревней, на пригорке, откуда видно было всё поле — до самого леса. Артём помнил, что сюда ходили на Пасху и на Троицу, приносили крашеные яйца и куличи, садились на скамейки у оград и разговаривали о том, кто умер, а кто ещё держится. Теперь скамейки сгнили, ограды покосились, и только несколько могил были ухожены — видимо, теми, кто ещё оставался в деревне.

Артём нашёл могилу отца почти сразу. Она была на краю кладбища, у самого обрыва, и от неё открывался вид на поле. Памятник — простой, из серого гранита — стоял ровно. На нём было выбито: «Ковалёв Семён Артёмович. 1949–2003. Помним. Любим». Артём сел на корточки, провёл рукой по буквам. Буквы были холодными и шершавыми. Он не принёс цветов — негде было взять. Только сорвал несколько поздних ромашек, росших у ограды, и положил их к подножию.

— Ну вот, — сказал он вслух. — Я приехал, батя. Как ты и просил. Не приезжать. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Ты уж прости, что не послушал.

Он посидел ещё немного, глядя на поле. Пугало отсюда казалось маленьким, не больше спичечного коробка. Но Артём знал, что это обман зрения. Оно стояло на прежнем месте, у плетня, и было недвижимо.

— Ты знал, — сказал Артём, обращаясь к памятнику. — Ты всё знал. Почему не уехал? Почему меня не забрал?

Ответа не было. Только ветер шевелил ромашки да где-то вдалеке каркнула ворона. Артём поднялся, отряхнул колени. И в этот момент заметил, что за могилой отца, чуть дальше, у самого обрыва, есть ещё одна. Маленькая, почти вросшая в землю. Без памятника. Только деревянный колышек, покосившийся и почерневший от времени. Артём подошёл ближе. На колышке была прибита жестяная табличка, но краска на ней облупилась так, что прочитать ничего было нельзя. Он наклонился, попытался разобрать хоть что-то. Буквы проступали медленно, как будто не хотели, чтобы их читали. «Гущин И. Т. 1898–1947». И ниже, мелко, почти стёрто: «Председатель».

Артём выпрямился. Вот она, могила первого председателя. Не в центре кладбища, не под крестом, а на краю, у обрыва, почти за оградой. Как будто его и здесь отодвинули, отселили подальше от людей. Или наоборот — оставили сторожить. Он вспомнил, что отец писал в тетради: «Могилу его не найти — будто сравняли с землёй». Но вот она, могила. Только сравняли не её, а память о ней. Колышек без имени, без дат, без креста.

Артём стоял и смотрел на эту могилу, и в голове у него не укладывалось: как так? Человек умер, его похоронили, поставили пугало — и с тех пор он не ушёл. Он остался в поле, в том самом поле, которое создал. И теперь собирает урожай. Только не зерна, а душ.

Он хотел уже уйти, но заметил, что у подножия колышка что-то лежит. Маленькое, серое, почти сливающееся с землёй. Артём присел и поднял. Это был камень. Обычный голыш, гладкий, отполированный водой. Но на нём было что-то нацарапано. Он повертел камень в руках и разобрал: «Помоги». Буквы были выцарапаны грубо, чем-то острым, и Артём вдруг понял, что это не надпись, сделанная давно. Земля на камне была свежей, а царапины — чёткими. Кто-то положил его сюда недавно. Может быть, вчера. Может быть, сегодня ночью.

Артём положил камень обратно. Руки у него похолодели. Он огляделся, но на кладбище никого не было. Только кресты, только серые памятники, только ветер. И тогда он решил: надо уходить. Немедленно. Прямо сейчас, не заходя в деревню, через поле — к трассе. Он знал короткую дорогу: через овраг, потом вдоль лесополосы, выйти к бетонке. Полтора часа ходьбы — и он на трассе, а там автобус, любой попутчик, что угодно. Главное — уйти.

Артём спустился с пригорка и пошёл через поле. Он старался не смотреть в сторону пугала, но ноги сами несли его по старой тропинке, которую он помнил с детства. Тропинка шла мимо оврага, потом сворачивала к лесу. Пугало оставалось в стороне, метрах в ста. Артём шёл быстро, почти бежал. Он уже миновал овраг, когда услышал за спиной:

— Артём Семёнович! Подожди!

Голос был женский, звонкий, молодой. Артём остановился. Обернулся. По полю, размахивая руками, бежала девушка. Он не сразу понял, кто это. Одета она была странно: длинное ситцевое платье, какие носили в деревне лет пятьдесят назад, платок на плечах, и босиком. Босиком по стерне! Артём пригляделся и почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он знал эту девушку. Это была Люба, Люба Гусева, с которой он лазил в овраг за ежевикой. Только Люба должна была быть его возраста — а эта девушка выглядела лет на восемнадцать, не больше.

— Ты чего? — спросила она, подбегая. — Не узнал, что ли?

— Люба? — выдавил Артём. — Ты… Ты же уехала.

— Уехала, — согласилась она, и улыбнулась. Улыбка у неё была хорошая, открытая, но что-то в ней было не так. Слишком широкая, что ли. — Уехала, да. А потом вернулась. Соскучилась. А ты? Ты надолго?

Артём не знал, что ответить. Он смотрел на её босые ноги — на них не было ни царапины, ни пореза, хотя стерня стояла жёсткая, как проволока. И платье на ней было чистым, хотя по полю он шёл по колено в пыли.

— Я уезжаю, — сказал он. — Сейчас. Через поле.

— Через поле? — Люба покачала головой. — Не ходи через поле. Там оно.

— Кто — оно?

— Ну кто, — она засмеялась, и смех у неё был странный, дребезжащий, как будто в горле у неё что-то перекатывалось. — Пугало. Оно не любит, когда через поле ходят. Оно думает, что ты хочешь его поправить. А кто к нему прикасается…

Она не договорила. Только посмотрела на него и улыбнулась ещё шире. Артём отступил на шаг.

— Люба, — сказал он медленно. — Ты где живёшь?

— А вон, — она махнула рукой в сторону деревни. — В своём доме. Ты заходи, если что. Только не сегодня. Сегодня я занята. У меня дел много. — Она помолчала и добавила: — Оно велело.

— Кто велело?

— Ну кто, — повторила она с той же странной интонацией. — Пугало. Оно теперь у нас главный. Как председатель. Только раньше председатель был злой, а теперь добрый. Он говорит, что всех соберёт. Всех, кто уехал. И будет у нас снова колхоз. Большой. Дружный.

Артём попятился. Люба сделала шаг к нему. Босая, в ситцевом платье, с платком на плечах. И в этот момент он увидел, что тень от неё падает не в ту сторону. Солнце поднималось на востоке, и тени должны были лежать на запад. Но тень Любы тянулась к пугалу. Как будто её притягивало к нему.

— Люба, — сказал Артём, — ты живая?

Она посмотрела на него с удивлением. Потом рассмеялась. И смех её стал громче, и в нём уже не было ничего человеческого — только скрип, сухой и металлический, как будто кто-то водил палкой по стеклу.

— А ты как думаешь? — спросила она и шагнула к нему.

Артём побежал. Он не помнил, как добежал до лесополосы, как продрался сквозь кусты, как выскочил на бетонку. Он остановился только тогда, когда услышал шум трассы — далёкий, но такой желанный. Обернулся. Поле осталось позади. Люба стояла на краю его, у самого леса, и смотрела ему вслед. Она не бежала. Просто стояла и улыбалась.

И тогда Артём понял: он не уедет. Не потому, что не может. Потому что не должен. Если он уедет сейчас, оно пойдёт за ним. Оно уже послало Любу. Оно знает его имя. Оно знает, что он вернулся.

Артём достал из рюкзака телефон. Сети не было. Он набрал номер риелтора, но звонок не прошёл. Тогда он написал сообщение: «Продаю дом и участок. Срочно. Торг уместен». И нажал отправить. Сообщение ушло, хотя сети не было. Артём уставился на экран. Одна палочка. Едва-едва. Достаточно, чтобы отправить. Недостаточно, чтобы позвонить.

Он вернулся в деревню к вечеру. Шёл медленно, уже не боясь. Усталость взяла своё. Дом стоял на месте, ключ висел на гвозде. Артём отпер дверь, вошёл, зажёг керосинку. Сел за стол. И только тогда заметил, что на столе лежит что-то, чего утром не было. Маленький серый камень. Гладкий, отполированный водой. С царапинами: «Помоги».

Артём взял его в руки. Камень был тёплым. Как будто его только что держали в руке. Он перевернул его. На обратной стороне было ещё что-то, чего он не заметил на кладбище. Мелкие буквы, почти неразборчивые: «Сожги пугало. Освободи нас».

Артём положил камень на стол и долго смотрел на него. Потом встал, подошёл к окну. Пугало стояло на прежнем месте. У плетня. И на его палке-руке больше ничего не висело. Ни шапки, ни ружья, ни пуговицы. Всё исчезло. Только пиджак с орденской планкой, мешок с пуговицами да палка. И от него по-прежнему пахло землёй и соломой.

Артём закрыл окно. Задёрнул занавеску. Сел на пол, спиной к двери, и стал ждать утра. Он знал, что оно придёт. И знал, что не откроет. Но теперь у него был план. Плохой, опасный, но план. Он вспомнил слова Валентины Петровны: «Надо вложить в него душу». И слова с камня: «Сожги пугало». Два совета, которые противоречили друг другу. Или нет?

Он думал об этом всю ночь. А утром, когда солнце поднялось над лесом, он вышел во двор, взял топор, который нашёл в сарае, и пошёл к пугалу. Он не знал, что будет делать. Он просто шёл. И пугало смотрело на него. И ждало.Артём шёл по полю, и стерня хрустела под его сапогами, как сухие кости. Топор он держал в правой руке, и лезвие его тускло поблёскивало в утреннем свете. Он не знал, что будет делать, когда дойдёт. Срубить столб? Подпалить пиджак? Или просто поговорить — так, как говорил вчера на крыльце? Он не знал. Но он шёл.

Пугало ждало. Оно стояло у плетня, и теперь, когда Артём подошёл ближе, он увидел то, чего не замечал раньше. Столб, на котором держалось пугало, был не просто вкопан в землю. Онрос из земли. Кора на нём была живой, тёмной, влажной, как на старом дубе. А перекладина, на которой висел пиджак, была не прибита, а привязана — верёвкой, сплетённой из чего-то бурого, похожего на высохшие жилы. И мешок на голове был не мешком. Это была голова.

Настоящая голова, обтянутая кожей, с пуговицами вместо глаз и ртом, зашитым суровой ниткой.

Артём остановился шагах в пяти. Топор вдруг показался ему очень тяжёлым. Он опустил его, уперев лезвие в землю.

— Ну, — сказал он. — Я пришёл. Говори.

Пугало молчало. Пуговицы смотрели на него. И вдруг Артём услышал голос — не из пугала, а откуда-то изнутри, из глубины поля. Голос был тихий, но отчётливый, как будто кто-то говорил ему прямо в ухо.

— Ты пришёл, — сказал голос. — Хорошо. Я ждал тебя. Долго ждал. Двадцать лет.

Артём не отвёл взгляда. Пуговицы не мигали.

— Ты — Гущин? — спросил он.

— Гущин, — согласился голос. — Илья Трофимович. Председатель. Ты знаешь, кто я. Ты читал отцовскую тетрадь.

— Читал, — сказал Артём. — И что?

— А то, что отец твой был глупый человек, — голос стал жёстче. — Он думал, что можно уехать и забыть. Но земля не забывает. Земля помнит всех, кто на ней работал. И тех, кто бросил, — тоже помнит. Я собрал многих. И буду собирать дальше. Пока колхоз не станет прежним. Пока поле не оживёт.

— Поле мёртвое, — сказал Артём. — Ты его убил.

— Нет, — возразил голос. — Я его оживил. Оно было мёртвым, когда люди начали разбегаться. Когда дома опустели, когда школа закрылась, когда магазин перестал работать. Я вернул ему силу. Я собираю души, и поле снова родит. Ты видел, какая здесь трава? Какая земля? Она живая. Потому что я её кормлю.

Артём посмотрел на землю под ногами. Земля была чёрной, жирной, влажной. И трава на ней росла густая, высокая, ярко-зелёная — такая не растёт на заброшенных полях. Он вспомнил, что за всё время, что он здесь, он не видел ни одной вороны. Ни одной птицы. Только пустое небо.

— Ты убиваешь людей, — сказал он.

— Я их собираю, — поправил голос. — Как урожай. Они уехали, но их души остались здесь. Я даю им работу. Они работают. Они счастливы.

— Люба не счастлива, — сказал Артём. — Она босая ходит по стерне и смеётся деревянным смехом.

— Люба — моя лучшая работница, — в голосе послышалась гордость. — Она пришла ко мне сама. Её родители уехали, а её оставили с бабкой. Бабка умерла, а Люба осталась одна. Она хотела уехать, но не могла. Я помог ей. Теперь она здесь. Навсегда.

Артём почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он вспомнил Любу — живую, весёлую, с растрёпанными косичками, которая тащила его в овраг за ежевикой и хохотала так, что птицы разлетались. А теперь она стоит на краю поля и улыбается деревянной улыбкой.

— Отпусти их, — сказал Артём. — Отпусти всех.

— Не могу, — голос стал печальным. — Они мои. Я их собрал. Я их вырастил. Они — мой урожай. Я не могу его бросить. Иначе поле умрёт. И я умру. А я не хочу умирать. Я уже умирал один раз. В поле. В пшенице. Сердце остановилось, и я лежал, и никто не пришёл. Никто не помог. Они все были рады, что я умер. Они думали, что теперь заживут. А я не умер. Я остался. Я ждал. И когда меня похоронили, я понял, что могу вернуться. Через пугало. Через то, что они поставили, чтобы меня забыть. Они хотели забыть меня, а я стал их памятью. Их совестью. Их наказанием.

Артём поднял топор. Не для удара, а просто чтобы чувствовать его в руке. Тяжесть металла успокаивала.

— Ты не совесть, — сказал он. — Ты просто злой старик, который не хочет уходить.

— А ты? — голос стал насмешливым. — Ты кто? Ты приехал сюда, чтобы продать дом. Продать землю. Ты хочешь отдать её чужим. Людям, которые не будут на ней работать. Они построят здесь коттеджи или склад. И поле умрёт окончательно. Ты хочешь этого?

Артём молчал. Он и правда хотел продать. Но теперь, стоя на этой земле, чувствуя её запах, её сырость, её живую тяжесть, он уже не был так уверен.

— Я хочу, чтобы люди жили, — сказал он. — А ты их убиваешь.

— Я их не убиваю, — голос стал тихим, вкрадчивым. — Я их собираю. Как колосья. Из колосьев получается хлеб. Из душ получается урожай. Ты не понимаешь. Ты слишком долго был в городе. Ты забыл, что такое земля. Я могу тебе напомнить. Останься. Вложи в меня свою душу. И я сделаю тебя своим помощником. Ты будешь ходить по полю и собирать. Как я. Вместе мы вернём сюда людей. Всю деревню. Все дома. Все поля.

Артём покачал головой. Топор в его руке дрогнул.

— Нет, — сказал он. — Я не останусь.

— Тогда уходи, — голос стал холодным. — Уходи и не возвращайся. Но сначала отдай мне то, что взял.

— Что я взял?

— Камень, — сказал голос. — Ты взял камень с моей могилы. Положи его обратно. Или я не смогу закончить урожай.

Артём вспомнил серый голыш с надписью «Помоги». Он лежал у него в кармане, тёплый, как живой. Артём достал его и посмотрел. Надпись на камне изменилась. Теперь на нём было написано: «Не отдавай».

Артём сжал камень в кулаке.

— Это не твой камень, — сказал он. — Это камень тех, кого ты собрал. Они просят помощи. Они хотят освободиться.

— Они лгут, — голос стал злым. — Они мои. Я их создал. Они не могут хотеть освободиться. Они хотят работать. Они хотят быть со мной.

— Тогда почему они написали «помоги»? — спросил Артём. — Если они счастливы, зачем просить о помощи?

Пугало молчало. Пуговицы не мигали. И вдруг Артём услышал шорох. Он обернулся. Со всех сторон, из-за плетней, из-за домов, из леса выходили люди. Много людей. Мужчины и женщины, старики и дети. Они были одеты в старую одежду — такую носили в пятидесятых, шестидесятых. Они шли медленно, неуклюже, как марионетки на ниточках. И у всех у них были деревянные лица. Или не лица, а маски — гладкие, без выражения. Только глаза горели тусклым светом, как гнилушки.

Люба шла впереди. Она больше не улыбалась. Она смотрела на Артёма, и в её глазах было что-то, чего он не видел раньше. Страх.

— Не надо, — сказала она тихо, и голос у неё был уже не деревянный, а живой, дрожащий. — Артём, не надо. Он нас всех заберёт. И тебя заберёт. Уходи. Пожалуйста. Уходи, пока можешь.

Артём посмотрел на неё. Потом на остальных. Они стояли вокруг, и их было много — десятки, может, сотни. Все, кто уехал и не вернулся. Все, кто пропал. Они стояли и смотрели на него, и в их глазах был страх.

Артём поднял топор.

— Я не уйду, — сказал он. — Пока не освобожу вас.

— Тогда ты умрёшь, — сказал голос из пугала. — И станешь одним из них. Будешь работать на меня. Вечно.

Артём размахнулся и ударил топором по столбу. Лезвие вошло в дерево с глухим стуком. Но столб не поддался. Топор застрял, и Артём дёрнул его, пытаясь вытащить. Из щели в дереве потекла тёмная жидкость, густая, как дёготь. Она пахла землёй и железом.

— Ты не сможешь меня срубить, — сказал голос. — Я в земле. Я в поле. Я везде.

Артём выдернул топор и ударил снова. И снова. И снова. Он рубил столб, и с каждым ударом из него текла тёмная жидкость, и пугало вздрагивало. Люди вокруг застонали. Они подняли руки, и Артём увидел, что их пальцы — это не пальцы, а сухие ветки. Они тянулись к нему, и он отступал, отбиваясь топором.

— Сожги его! — крикнула Люба. — Сожги!

Артём вспомнил про керосинку. Он бросил топор, побежал к дому, схватил керосинку и спички. Когда он вернулся, люди стояли на том же месте, но их было больше. Они выходили из леса, из оврага, из-за домов. И пугало стояло, и пуговицы его горели.

Артём плеснул керосином на пиджак, на мешок, на столб. И чиркнул спичкой. Огонь вспыхнул сразу, ярко, жадно. Пугало закричало. Это был не голос, а вой — высокий, пронзительный, как будто горела не солома, а живая плоть. Люди вокруг тоже закричали. Они падали на землю, корчились, и их маски трескались, и под ними оказывались настоящие лица — испуганные, измученные, но живые.

Пугало горело. Столб трещал, пиджак скручивался в чёрные хлопья. И вдруг из огня вырвался столб дыма, густого, чёрного, и в этом дыму Артём увидел лицо. Старик с жёсткими глазами и плотно сжатыми губами. Он смотрел на Артёма и улыбался.

— Ты думаешь, ты меня победил? — сказал он. — Ты думаешь, огонь меня убьёт? Я в земле. Я в каждом колосе. Я в каждой борозде. Ты можешь сжечь пугало, но ты не сожжёшь поле. Я вернусь. Я всегда возвращаюсь.

Дым рассеялся. Пугало догорело. На земле осталась только горсть пепла да обугленный столб. Люди вокруг медленно поднимались. Они смотрели на Артёма, и в их глазах больше не было страха. Только пустота. Они стояли и молчали, и Артём понял, что они не знают, что делать дальше. Они были здесь так долго, что забыли, как жить.

Люба подошла к нему. Она была бледная, исхудавшая, но живая. Настоящая.

— Спасибо, — сказала она. — Ты его сжёг.

— Он сказал, что вернётся, — ответил Артём.

— Вернётся, — согласилась Люба. — Он всегда возвращается. Но теперь мы знаем, как с ним бороться. Мы будем жечь его каждый раз. Как только увидим, что он снова встал. Мы не уедем. Мы останемся. Мы будем работать на земле. И тогда ему нечего будет собирать. Потому что никто не будет чужим.

Артём посмотрел на неё. Потом на людей. Они стояли вокруг, и их было много — десятки, может, сотни. Все, кто вернулся. Все, кого он освободил. И они ждали, что он скажет.

— Я останусь, — сказал Артём. — На время. Помогу вам. А потом уеду. Но я вернусь. Обещаю.

Люба улыбнулась. На этот раз улыбка была настоящая.

— Хорошо, — сказала она. — Мы подождём.

Артём посмотрел на поле. Оно было пустым. Пугала больше не было. Только пепел да обугленный столб. Но где-то в глубине, в самой земле, что-то шевелилось. Что-то ждало. И Артём знал, что это ещё не конец. Это только начало.Артём остался. Он сам не поверил себе, когда произнёс это вслух, но слова уже были сказаны, и отступать было поздно. Люба смотрела на него с благодарностью, остальные — с надеждой. Они стояли вокруг обугленного столба, босые, в старых одеждах, и ждали, что он сделает дальше. Артём чувствовал себя самозванцем. Он не был ни героем, ни спасителем. Он был просто человеком, который хотел продать дом и уехать. Но теперь у него была цель, и эта цель держала его крепче любого замка.

Первым делом он отвёл Любу в сторону.

— Сколько вас? — спросил он.

Люба огляделась, будто считала.

— Двадцать три, — сказала она. — Было больше, но некоторые не выдержали. Они рассыпались. Когда пугало горело, они просто… рассыпались в прах. Как будто их не было.

— Кто они были?

— Те, кто умер давно, — Люба опустила глаза. — Те, кто был с ним дольше всех. Они уже не помнили себя. Только работу. Он их совсем выпил.

Артём кивнул. Двадцать три человека. Двадцать три души, которые нужно было вернуть к жизни. Он не знал, как это делается. Но он знал, с чего начать.

— Где вы живёте? — спросил он.

— Кто где, — Люба пожала плечами. — В своих домах. Только они все полусгнили. Мы не чинили. Он не велел. Говорил, что ремонт — это лишнее. Главное — работа.

Артём посмотрел на деревню. Десять жилых домов, остальные — развалины. Двадцать три человека. Значит, места хватит. Если привести дома в порядок.

— Сегодня отдыхайте, — сказал он. — Завтра начнём разбирать завалы. Кто может работать — будет работать. Кто не может — будет помогать чем сможет.

Люди молчали. Они смотрели на него, и в их глазах было что-то странное. Не радость, не облегчение. Скорее недоумение. Как будто они забыли, что такое работать на себя, а не на пугало.

— А ты? — спросила Люба. — Ты останешься с нами?

— Останусь, — сказал Артём. — На время. Пока не налажу всё. Потом уеду. Но вернусь. Я обещал.

Люба кивнула. Она не стала спорить. И это было хорошо. Потому что Артём сам не знал, сдержит ли он обещание.

Он вернулся в дом, затопил печь, вскипятил воду. Нашёл в кладовке мешок крупы, сварил кашу. Когда он вышел на крыльцо с чугунком, люди уже собрались во дворе. Они стояли молча, и их было двадцать три — мужчины, женщины, дети. Дети были особенно страшными. Они выглядели как старики — сгорбленные, с потухшими глазами. Артём понял, что они провели в поле не один год. Может быть, десятилетия. Время для них остановилось.

Он раздал кашу. Люди ели медленно, неуклюже, как будто разучились держать ложку. Артём смотрел на них и думал: что он делает? Он не был ни врачом, ни священником. Он не знал, как лечить души. Но он знал, что голодный человек не может думать о высоком. Сначала — еда. Потом — всё остальное.

После завтрака он распределил работу. Мужчины пошли разбирать завалы в пустых домах. Женщины — чистить колодец и приводить в порядок кухню в самом крепком доме, который стоял напротив его собственного. Дети — собирать хворост для печей. Люба вызвалась помогать ему с документами. Она единственная из всех говорила связно и помнила, что происходит вокруг.

Они сели за стол в его доме. Артём разложил отцовскую папку.

— Ты знаешь, чьи это дома? — спросил он.

— Знаю, — сказала Люба. — Я здесь выросла. Я помню всех.

Она взяла карандаш и бумагу и стала записывать: чей дом, кто в нём жил, куда уехал. Артём смотрел на её почерк — аккуратный, круглый, как у школьницы. И думал, что она, наверное, так и осталась школьницей. Восемнадцатилетней девочкой, которая не успела вырасти.

— Люба, — сказал он. — Сколько тебе лет?

Она подняла на него глаза.

— Не знаю, — сказала она. — Я потеряла счёт. Когда он меня забрал, мне было восемнадцать. А сколько прошло… — Она пожала плечами. — Может, год. Может, двадцать. Там, в поле, время идёт по-другому. Там всегда осень. Всегда урожай. Всегда работа.

Артём промолчал. Он не знал, что сказать. Он не мог ей помочь. Он мог только дать ей работу, еду и крышу. И надеяться, что этого хватит.

К вечеру вернулись мужчины. Они разобрали завалы в двух домах, натаскали досок, выбили окна. Артём осмотрел работу. Она была грубой, но крепкой. Мужчины работали молча, сосредоточенно, как будто делали это всю жизнь. Может, и делали. Только раньше — на пугало.

Он собрал всех во дворе.

— Слушайте, — сказал он. — Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, вернётся ли он. Но я знаю одно: пока мы вместе, мы сильнее. Мы будем работать. Мы будем жить. И если он придёт — мы будем готовы.

Люди молчали. Потом кто-то — кажется, старик с седой бородой, который не проронил ни слова за весь день, — сказал:

— Мы будем готовы.

И остальные повторили за ним. Тихо, но твёрдо. Артём кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда спать. Завтра будет тяжёлый день.

Ночью он не спал. Сидел у окна с топором на коленях и смотрел на поле. Там, где стояло пугало, земля была выжжена — чёрное пятно на фоне серой стерни. Но Артём заметил, что к утру это пятно стало меньше. Как будто земля затягивала рану. Или как будто что-то под землёй шевелилось, выбираясь наружу.

Он не сомкнул глаз. А когда рассвело, вышел во двор и увидел, что у обугленного столба стоит Люба. Она смотрела на поле, и лицо у неё было бледное.

— Артём, — сказала она, не оборачиваясь. — Иди сюда.

Он подошёл. И увидел. На месте сожжённого пугала, прямо из пепла, пробивался росток. Тонкий, зелёный, с двумя листочками. Обычный росток пшеницы. Но он был ярко-зелёным, почти светящимся, и от него шёл пар. Как будто земля дышала.

— Он возвращается, — прошептала Люба. — Я же говорила. Он всегда возвращается.

Артём присел на корточки. Посмотрел на росток. Потом выдернул его из земли. Росток сопротивлялся — тянулся корнями вглубь, и Артёму пришлось приложить усилие, чтобы вытащить его. Когда он выдернул, из земли потекла тёмная жидкость. Та самая, что текла из столба. Она пахла землёй и железом.

— Надо выжечь всё поле, — сказал Артём. — Всё. До последнего ростка.

— Нельзя, — Люба покачала головой. — Поле — это его тело. Если выжечь поле, мы убьём землю. Она больше не будет родить. Никогда.

— А если не выжечь, он вернётся.

— Вернётся, — согласилась Люба. — Но, может быть, есть другой способ.

Она посмотрела на него, и в её глазах было что-то, чего Артём не видел раньше. Мысль. Настоящая, живая мысль.

— Он сказал, что ему нужен урожай, — сказала Люба. — Что он собирает души, чтобы поле жило. А что, если дать полю другую пищу? Не души. Что-то другое.

— Что? — спросил Артём.

— Не знаю, — призналась Люба. — Но я слышала, как он говорил с землёй. По ночам. Он говорил, что земля голодна. Что ей нужно больше. Больше, чем он может дать. Может быть, если мы накормим её чем-то другим, она перестанет требовать души.

Артём задумался. Это был не план. Это была догадка. Но другой у него не было.

— Чем можно накормить землю? — спросил он.

— Кровью, — сказала Люба. — Земля любит кровь. Но не человеческую. Животную. Надо принести жертву. Каждый год. Как в старину.

Артём посмотрел на неё. Потом на поле. Потом на росток в своей руке. Он не знал, права ли Люба. Но он знал, что не может выжечь поле. И не может позволить пугалу вернуться. Значит, надо попробовать.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра найдём скот. Купим корову. Или овцу. И принесём жертву. Если это сработает — поле насытится. Если нет — будем думать дальше.

Люба кивнула. Она не улыбнулась. Но в её глазах появилось что-то похожее на надежду.

Артём выбросил росток в костёр, который горел во дворе. Росток вспыхнул и сгорел дотла, и запах от него был странный — не травяной, а какой-то мясной. Артём постарался не думать об этом.

Он вернулся в дом и сел за стол. Достал отцовскую тетрадь — ту самую, которую оставил у пугала. Она лежала в кармане пиджака, который сгорел. Но когда Артём утром вышел на поле, тетрадь лежала на земле, у обугленного столба. Целая, невредимая. Как будто пугало вернуло её. Или как будто она сама вернулась.

Он открыл её на последней странице. Там, где отец написал: «Артём, не приезжай». И увидел, что под этой надписью появилась новая. Написанная тем же почерком, но более разборчиво, твёрдо: «Если приехал — сожги поле. Не жалей. Земля возродится. Но сначала будет больно».

Артём закрыл тетрадь. Посмотрел в окно. На поле. На чёрное пятно, которое к утру стало ещё меньше. На деревню, где двадцать три человека, которых он освободил, спали в своих полусгнивших домах. И на лес, за которым вставало солнце.

Он знал, что делать. И знал, что это будет тяжело. Но он был готов. Потому что земля не терпит пустоты. И души — тоже.

Глава 3. Жертва

Утро началось с запаха гари. Артём проснулся на полу, у окна, с топором в руке, и первое, что он почувствовал, — это запах. Не тот сладковатый дымок, что тянет от печи, а горький, тяжёлый запах сожжённой соломы и чего-то ещё, похожего на палёную шерсть. Он поднялся, размял затёкшую шею и выглянул в окно. Поле было серым от пепла. Чёрное пятно на месте пугала за ночь не уменьшилось, а наоборот — разрослось, расползлось по стерне неровными языками, как будто кто-то вылил на землю чернила. И в самом центре этого пятна, прямо из пепла, торчал новый росток. Не один. Десятки. Тонкие зелёные стрелки пробивались сквозь гарь, и от них шёл лёгкий пар.

Артём оделся, взял топор и вышел во двор. Люба уже была там. Она стояла у колодца, держа в руках ведро, и смотрела на поле. Лицо у неё было спокойное, но губы шевелились, будто она читала молитву или считала.

— Сколько? — спросил Артём.

— Тридцать два, — ответила она, не оборачиваясь. — Я считала всю ночь. Они растут быстрее, чем мы успеваем их выдёргивать.

Артём подошёл к ней. За ночь росток, который он вырвал, снова пробился — на том же месте, ещё толще и выше. И рядом с ним — новые. Поле оживало. Но это была не та жизнь, которой он ждал. Это была жизнь, которую навязывал Гущин.

— Значит, жертва, — сказал Артём. — Где здесь можно достать скот?

Люба пожала плечами.

— В соседней деревне, за лесом, есть фермер. Дядя Гриша. Он держит коров и овец. Раньше он нам продавал молоко. Пока пугало не стало забирать людей. Теперь он к нам не ездит. Боится.

— А он ещё там? — спросил Артём. — Не уехал?

— Не знаю, — сказала Люба. — Я давно не ходила за лес. Он не пускал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.